

Чилийское родео как национальный символ

© Кутькова А.В., 2024

Анастасия Владимировна Кутькова, канд. филол. наук, доцент кафедры иберо-романского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова.
119991, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, 1, стр. 51
E-mail: a.kutkova@mail.ru

Аннотация. Родео рассматривается в Чили как важный национальный символ. Исследование эволюции этого культурного феномена в исторической перспективе показывает, что далеко не всегда он получал такое признание. Первые родео прошли в Чили во второй половине XVI в., но смысловое содержание этого термина отличалось от современного. Во времена колонии в Испанской Америке так называли сезонный сгон и сортировку скота (от исп. *rodear* «окружать») — занятие трудное и опасное на бескрайних просторах Нового Света. Прошло четыре века, и 10 января 1962 г. Олимпийский комитет Чили официально признал родео национальным видом спорта, который значит для современных чилийцев много больше, чем просто развлекательное зрелище. Ответ на вопрос, как и почему в чилийском обществе — в первую очередь среди интеллектуальной элиты — произошла переоценка отношения к сельской тематике,

приближает нас к пониманию фундаментальных и сущностных характеристик, составляющих основу национальной идентичности чилийцев. На рубеже XIX–XX вв., когда в чилийском обществе сформировался запрос на национальное самоопределение, в поисках самобытного образа страны писатели-креолисты обратились к сельской жизни и нашли олицетворение чилийского этнотипического начала в протагонисте родео — наезднике уасо (исп. *huaso*). Идеализированный образ чилийского ковбоя, сошедший со страниц книг и увековеченный в кинематографе первой половины XX в., нашел отклик в самых разных слоях общества. В наши дни родео, некогда важный элемент повседневной жизни Центрального Чили, стало частью нематериального культурного наследия всей страны и важным символом чилийской нации, которая начала складываться в эпоху Конкисты.

Ключевые слова: родео, уасо, этнотип, история Чили, чилийская национальная идентичность

Для цитирования: Кутькова А.В. (2024) Чилийское родео как национальный символ. *Ибероамериканские тетради*. № 3. С. 136–157. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-3-136-157

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Rodeo chileno como símbolo nacional

© Kutkova A.V., 2024

Anastasia V. Kutkova, PhD (Letras), Profesora Titular del Departamento de Lingüística Iberorrománica de la Facultad de Filología de la Universidad Estatal de Moscú.
119991, Rusia, Moscú, GSP-1, calle Leninskie Gory, 1, ed. 51
E-mail: a.kutkova@mail.ru

Resumen. El rodeo se considera en Chile como un importante símbolo nacional. La evolución de este fenómeno cultural a lo largo de la historia pone de relieve que el rodeo no gozó siempre del reconocimiento que tiene hoy en día. Los primeros rodeos en Chile se realizaron en la segunda mitad del siglo XVI, pero el significado de esta palabra en aquel entonces era diferente. En la época colonial, el rodeo (derivado del verbo *rodear*) hacía referencia al arreo del ganado que era una tarea ardua y peligrosa en las vastas extensiones del Nuevo Mundo. Pasaron cuatro siglos y, el 10 de enero de 1962 el Comité Olímpico de Chile reconoció oficialmente el rodeo como deporte nacional, un deporte que va mucho más allá de un simple espectáculo de entretenimiento para los chilenos de hoy. Reflexionar sobre cómo y por qué la sociedad chilena, y especialmente la élite intelectual, cambió su actitud hacia la vida rural nos acerca a comprender las características fundamentales de la identidad nacional chilena. A finales del siglo XIX y principios del XX, cuando la sociedad chilena buscaba autodeterminación nacional, los escritores criollistas se fijaron en la vida rural, encontrando en el protagonista del rodeo —el jinete huaso— la encarnación del espíritu etnotípico chileno. La imagen idealizada del vaquero chileno, que nació en las páginas de libros y se immortalizó en el cine de la primera mitad del siglo XX, tuvo eco entre diversos sectores de la sociedad. Hoy en día, el rodeo que antes fue un elemento clave de la vida cotidiana en el Chile Central, ha llegado a ser parte del patrimonio cultural inmaterial de todo el país y un símbolo significativo de la nación chilena que comenzó a forjarse en la época de la conquista.

Palabras clave: rodeo, huaso, etnotipo, historia de Chile, identidad nacional chilena

Para citar: Kutkova A.V. (2024) Rodeo chileno como símbolo nacional, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 3, pp. 136–157. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-3-136-157

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Chilean Rodeo as a National Symbol

© Kutkova A.V., 2024

Anastasia V. Kutkova, PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Iberian Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.
119991, Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie Gory street, 1-51
E-mail: a.kutkova@mail.ru

Abstract. Rodeo is considered an important national symbol in Chile. The evolution of this cultural phenomenon throughout history reveals that it has not always enjoyed the recognition it has today. The first rodeos in Chile were held in the second half of the 16th century, but this word used to have a different meaning at the time. In the colonial era of Spanish America, «rodeo» referred to herding cattle (derived from the verb *rodear* meaning «to surround»), a hard and dangerous task in the vast expanses of the New World. Four centuries later, on January 10, 1962, the Chilean Olympic Committee officially recognized rodeo as a national sport that nowadays means a lot more to Chileans than a mere spectacle. Reflecting on how and why Chilean society, especially the intellectual elite, changed its attitude towards rural life helps to understand the fundamental characteristics of Chilean national identity. In the late 19th and early 20th century, when Chilean society sought national self-determination, criollista writers turned their attention to rural life and found that the huaso rider, the protagonist of the rodeo, embodied Chilean ethnotypic spirit. The idealized image of the Chilean cowboy, born on the pages of books and immortalized in early 20th-century cinema, resonated with different strata of society. Today rodeo, which used to be a key element of everyday life in Central Chile, has become part of the entire country's intangible cultural heritage and a significant symbol of the Chilean nation, which began to take shape in times of the Conquest.

Keywords: rodeo, huaso, ethnotype, Chilean history, Chilean national identity

For citation: Kutkova A.V. (2024) Chilean Rodeo as a National Symbol, *Iberoamerican Papers*, no. 3, pp. 136–157. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-3-136-157

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Леопольдо Сеа (Leopoldo Zea Aguilar, 1912–2004), историк культуры, философ, автор концепции культурно-исторической самобытности Латинской Америки, так сформулировал сущность антиномии «Америка — Европа»: «Lengua, religión, concepción de la vida, etcétera, las hemos heredado de la cultura europea. De todo esto no podremos desprendernos sin desprendernos de una parte de nuestra personalidad. No podemos renegar de tal cultura como no podemos renegar de nuestros padres. Pero así como sin renegar de nuestros padres tenemos una personalidad que nos diferencia de ellos, también tendremos una personalidad cultural sin necesidad de renegar de la cultura de la cual somos hijos. Si hacemos consciente nuestra verdadera relación con la cultura europea podremos eliminar el sentimiento de inferioridad que nos agobia» [Zea, 1953: 61]. — «Язык, религия, жизненные представления — все это мы унаследовали от европейской культуры. От всего этого мы не можем отказаться, не отказавшись от части собственного “я”. Мы не можем отречься от этой культуры, как не можем отречься от наших отцов. Но, не отрекаясь от наших отцов, мы тем не менее обладаем собственной личностью, отличающей нас от них. Также мы обладаем собственной культурой, не отрекаясь от той культуры, сыновьями которой мы являемся. Лишь осознав наши истинные отношения с европейской культурой, мы сможем преодолеть чувство неполноценности, которое нас подавляет» [Доценко, 2010: 107].

Л. Сеа считает необходимым обращение к прошлому во имя познания настоящего и созидания будущего. Понять прошлое — значит понять настоящее — один из главных тезисов его философии, исходя из которого, мы намерены исследовать феномен чилийского родео в контексте наследия испанской Конкисты и обратиться к эволюции этого культурного явления в исторической перспективе.

Современный глобальный мир, базирующийся в том числе на взаимопроникновении различных культур и цивилизаций, берёт своё начало в эпохе Великих географических открытий. Существование и популярность чилийского родео в наши дни видится живым доказательством того, что межкультурный диалог Америки и Европы, начавшийся в эпоху Конкисты как уникальный опыт транскulturации, продолжается по сей день. В этом смысле изучение феномена чилийского родео позволяет под новым углом взглянуть на более широкую проблематику диалога цивилизаций на значимом историческом промежутке, что и обуславливает актуальность данной статьи.

Предлагаемое исследование представляет собой опыт интерпретации объекта, практически не изученного в отечественной науке. Оно проведено на основе комплексного междисциплинарного подхода, позволившего использовать теоретические положения и материалы, входящие в орбиту таких гуманитарных наук, как филология, этнография, культурология, социолингвистика.

В наши дни родео рассматривается в Чили как важный национальный символ — составная часть образа страны, образа чилийской культуры.

Однако далеко не во все времена родео встречало такое признание. Прошла не одна сотня лет с момента проведения в Чили первых родео, которые поначалу представляли собой тяжкую обязанность пастухов по сезонному стону скота с окраин поместий, принадлежавших первым чилийским поселенцам, до 10 января 1962 г., когда Олимпийский комитет Чили официально признал родео национальным видом спорта — современным строго регламентированным спортивным состязанием с национальными чемпионатами и федерацией, жюри, наградами, стандартами размера и разметки арены, нормами выбора лошадей, быков и экипировки.

Родео значит для чилийцев много больше, чем просто развлекательное зрелище: каждый год 18 сентября, в День независимости Чили, перед началом прохода войск на военном параде в Парке имени О'Хиггинса наездник-уасо, главный герой чилийского родео, вручает президенту коровий рог, наполненный виноградной чичей¹ (исп. *chicha en cacho*), в знак нерушимости национальных традиций.

«Chicha en cacho» на военном параде в честь Дня независимости Чили. 2022

Возникновение родео

Какое же место занимает это явление в культурной истории страны и с чем связано изменение оценки феномена родео как самобытного элемента народной культуры с момента его возникновения в XVI в. до наших дней?

Слово *rodeo* (от исп. *rodear* — окружать) в одной из своих словарных дефиниций буквально означает ‘сгон скота’², но, для того чтобы объяснить эволюцию значения интересующей нас лексемы, мы должны обратиться к истории завоевания Америки.

¹ Виноградная чича (*chicha de uva*) — традиционный слабоалкогольный напиток Центрального Чили. Его получают путем ферментации винограда. До прихода испанцев индейцы Андского региона изготавливали напиток путем ферментации различных продуктов, в первую очередь маиса. С появлением новых видов растений в колониальный период в Чили и других районах Южной Америки стали изготавливать чичу из фруктов. Климат и почвы центральных районов Чили оказались благоприятными для культивирования виноградной лозы, что привело к использованию виноградного суслу для приготовления чичи с XVII–XVIII вв. — Здесь и далее *примеч. авт.*

² Reunión del ganado mayor para reconocerlo, para contar las cabezas, o para cualquier otro fin. Diccionario de la lengua española, 23ª ed. URL: <https://dle.rae.es> (accessed: 10.08.2024).

Первые европейцы, ступившие на земли Нового Света, столкнулись с народами, у которых не было ни лошадей, ни коров. Известно, что до прихода европейцев народы андского региона разводили лам и использовали их для производства шерсти, а также как вьючное и пахотное животное. Об этом свидетельствует, например, следующая запись испанского священника и хрониста Педро Съезы де Леона (Pedro Cieza de León, 1520–1554): «Llaman los naturales a las ovejas llamas y a los carneros urcos. <...> La carne deste ganado es muy buena si está gordo, y los corderos son mejores y de más sabor que los de España. Es ganado muy doméstico y que no da ruido. Los carneros llevan a dos y a tres arrobas de peso muy bien, y en cansando no se pierde, pues la carne es tan buena. Verdaderamente en la tierra del Collao es gran placer ver salir los indios con sus arados en estos carneros, y a la tarde verlos volver a sus casas cargados de leña» [Cieza de León, 1553]. — «Местные жители называют овец льямас [llamas], а баранов — уркос. <...> Мясо этого животного очень вкусное, когда жирное, а барашки лучше и вкуснее, чем испанские. Это животное очень ручное и не создаёт шума. Ламы хорошо переносят 2–3 арробы веса, и от изнурений они не гибнут, ведь мясо [у них] такое хорошее. Особенно доставляет удовольствие видеть в Кольао, как индейцы выходят со своими плугами на этих ламах, а к вечеру видеть, как они возвращаются домой, нагруженные дровами» [Съеса де Леон, 2014: 315–316].

По свидетельству хрониста, индейцы редко ели мясо лам из-за трудностей с разведением столь полезного животного. В массе своей до прибытия европейцев коренные жители Америки обходились без домашнего скота, его появление в Новом Свете, занятия, связанные с его разведением и выпасом, — наследие европейского завоевания.

Примечательно, что, размышляя о Конкисте и начале колонизации Нового Света, мы в первую очередь представляем себе бравых и алчных конкистадоров, преодолевающих сотни километров бескрайних американских просторов в поисках золота и серебра, и редко вспоминаем о земледельцах и скотоводах, которые шли следом за воинами, незаметно меняя мир вокруг себя.

Действительно, когда европейцы достигли берегов Америки, они обнаружили здесь золото, серебро, драгоценные камни. Стремление обладать этими сокровищами стало главной причиной завоевания континента в небывало короткие сроки. Но позднее было сделано еще одно открытие, возможно, не столь ослепительное, но не менее значимое для жизни последующих поколений: Америка оказалась богата бескрайними просторами и обильными пастбищами для скота. Так что, хотя мифическое Эльдорадо в Новом Свете так и не было найдено, для земледельцев и скотоводов подлинным Эльдорадо стали необозримые просторы американского континента [Павловская, 2020: 59].

Хронист Франсиско Лопес де Гомара (Francisco López de Gómara, 1511–1559) писал: «Кто не заселит, не совершит хорошей конкисты; а не покорив землю, не обратишь язычников в христианство; посему главной задачей конкистадора должно стать заселение» [Кофман, 2024: 104]. Заселение, освоение обширных земель Америки и воссоздание своего хозяйственного уклада на новых территориях действительно стало одной из важных задач Конкисты.

Конкистадоры привезли с собой лошадей, а переселенцы — домашний скот, который легко и быстро прижился в новых условиях. Первое время стада свободно паслись на обширных территориях, которые не имели четких границ. Со временем, чтобы идентифицировать своих животных, хозяева стали ставить им клейма. Чилийский исследователь родео А. Кардемил Эррера в книге «El huaso chileno» приводит любопытное свидетельство — запись в регистрационной книге городского совета (*cabildo*) Сантьяго от 12 февраля 1557 г., в которой алькальд просит городской совет зарегистрировать клейма, которые он изготовил для своих коров, лошадей, коз, овец и свиней: «Yo tengo hechos mis hierros y señales con que hierro y señalo mis ganados, así yeguas como cabras, y ovejas y vacas, que son estos que ante vuestras mercedes presento. Pido a vuestras mercedes lo manden poner en el libro del Cabildo para que de ello conste cada [vez] que sea necesario, y manden que otra persona ninguna no use dichos hierros, sino yo, debajo de penas, que los ganados que hallaren de aquí en adelante con los tales hierros míos los pueden tomar por míos sin hacer otra diligencia ninguna; los cuales hierros son de las vacas y yeguas una flor de lis, y de las cabras y ovejas y puercos una A griega. Lo cual se mande a pregonar para que nadie pretenda ignorancia» [Cardemil Herrera, 1999: 105] — «У меня имеются клейма и метки, которыми я отмечаю свой скот, будь то кобылы, козы, овцы или коровы, и которые я представляю перед вашими милостями. Прошу ваши милости велеть оставить о том запись в книге городского совета, чтобы это было задокументировано и могло быть использовано в любое время, когда потребуется. Прошу также распорядиться, чтобы никто, кроме меня, не использовал указанные клейма под страхом наказания. Любой скот, найденный с моими клеймами, может быть признан принадлежащим мне без необходимости дополнительных проверок. Клеймо для коров и кобыл — это цветок лилии, а для коз, овец и свиней — буква греческого алфавита Альфа. Пусть это будет объявлено публично, чтобы никто не мог оправдаться незнанием»³.

По мере развития скотоводства возникла необходимость в людях, которые следили бы за сохранностью хозяйского скота и занимались выпасом. Эту работу взяли на себя пастухи-наездники.

³ Перевод автора.

Huaso

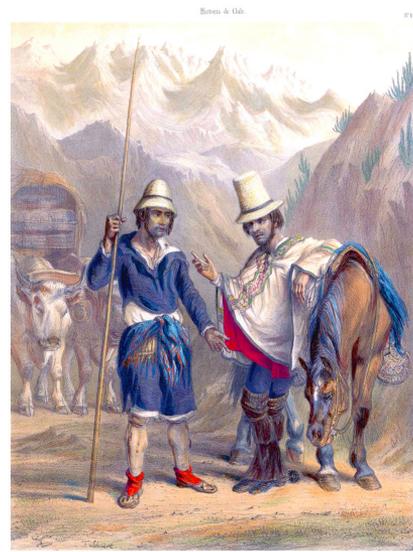
В разных частях Нового Света пастухов, которые передвигались верхом, называли по-разному: ковбой (*cowboy*) — на Диком Западе, чарро (*charro*) — на мексиканском нагорье, чагра (*chagra*) — на склонах Эквадорских Анд, льянеро (*llanero*) — на тропических равнинах Венесуэлы, гаучо (*gaucho*) — в аргентинской пампе. В центральной долине Чили — уасо (*huaso*).

Этимология слова *huaso* спорна. В научной литературе по интересующей нас теме наиболее обоснованными представляются следующие три версии происхождения слова. Первой придерживался немецко-чилийский лингвист Родольфо Ленц (Rodolfo Lenz, 1863–1938), возводя чилийское *huaso* и аргентинское *gaucho* к лексеме из языка кечуа *wacha/wachu* со значением бедный или сирота. В пользу этой версии говорит существование в испанском языке андского региона созвучной лексемы *guacho* — подкинутый (ребенок); беспризорный, брошенный⁴; в Чили *guacho* также имеет значение непарный, одиночный⁵ [Lenz et al., 1940: 13].

По другой широко распространенной версии, *huaso* — лексема, заимствованная из языка кечуа, в котором имеет значение спина, круп животного [Романова, 2018: 40].

Сторонники третьей версии исходят из того, что прототипом американского наездника-скотовода послужил андалузский всадник, который перебрался в Америку в эпоху Конкисты и колонизации, а значит, слово *huaso* может иметь андалузские корни и возникло в результате контаминации трех лексем андалузского диалекта: *huasa* со значением грубость, отсутствие такта; *guasón* — хохмач и *gacho* — крестьянин [Gutiérrez, 2010: 122–139].

Согнать сотни голов скота, который пасся вперемишку, отделить хозяйских коров от чужих, поставить клеймо на новорожденного теленка, отобрать животных на продажу или для забоя, заарканить упрямого быка, удержаться в седле на строптивой лошади — все это и называлось *hacer el rodeo*.

Клаудио Гай. Погонщик скота и управляющий. 1854

⁴ Guacho, -a: adj/sust. Ec, Pe, Bo, Ch, Ar, Ur. obsol. Referido a persona, *huérfano*. rur; pop. Diccionario de americanismos. ASALE. 2010. URL: <https://www.asale.org/damer> (accessed: 10.08.2024)

⁵ Guacho, -a: adj. Ch. Referido a cosa, *descabalada*, *desparejada*. pop + cult → espon. Ibid.

В 1550-х гг. такое родео проводилось в Сантьяго на Пласа-де-Армас (*Plaza de Armas*), которая и служила загоном для скота. В 1557 г. по приказу губернатора Гарсиа Уртадо де Мендоса (*García Hurtado de Mendoza*, 1535–1609) было постановлено, что 7 октября, в день Святого Марка, будет проводиться общий показ всего городского скота, будь то овцы, козы или коровы. Позднее, в XVIII в., стремясь придать Сантьяго более изысканный столичный вид, власти распорядились перенести родео, занятие грубое и brutальное, подальше от столицы — в поместья [*Cardemil Herrera*, 1999: 106].

Практика сгонять животных распространилась по всей центральной части страны, где многие усадьбы простирались от гор до моря, а их владельцы не знали точного количества своего скота.

В XVIII–XIX вв. годовой цикл в больших усадьбах вращался вокруг родео и забоя скота. В течение года скот зимовал в защищенных от непогоды ущельях, а весной спускался в долины. Уасо с собаками уходили в горы, сгоняли животных в загоны. В такой работе очень важно было не ошибиться в выборе лошади: она должна была быть выносливой, послушной, крепко стоять на ногах. Такова чилийская порода: лошади эти коротконогие, широкогрудые, выносливые, благодаря своей толстой шкуре не боятся холода, что делает их идеально приспособленными к горным условиям [*Montory Gajardo*, 2015].

Чилийская лошадь⁶

Посмотреть на родео собирались не только владельцы коров — все жители округи стремились попасть на это порой единственное доступное им развлечение.

Вот как описывает родео и его колоритное окружение британская путешественница Мэри Грэм (*Mary Graham*, 1785–1842), побывавшая в Чили в 1821–1822 гг.: «Poco después de almuerzo todos montamos a caballo para dirigirnos a la punta de más afuera de la Herradura, donde debía reunirse el ganado de la hacienda para contarlo. Técnicamente, una reunión de esta especie se llama rodeo, y tiene lugar ordinariamente en el verano, o más bien en el otoño. En tal ocasión reúnen todos los inquilinos de la hacienda, y seguidos de las muchachas

⁶ Чилийская лошадь (корралеро) — самая старая зарегистрированная порода лошадей иберийского происхождения в Западном полушарии. — *Примеч. авт.*

que se han quedado atrás para engalanarse alegremente, aparecen después en el corral» [Graham, 1956: 238–239]. — «Вскоре после обеда мы сели на лошадей и отправились к самому дальнему краю Ла Эррадуры, где должно было быть собрано все хозяйское стадо для пересчета. Такое собрание имеет специальное название — родео и обычно проводится летом или же осенью. В этот день на родео собираются все арендаторы поместья, а вслед за ними, немного задержавшись, приходят веселые и нарядные девушки»⁷.

«Estos hombres pasan a veces varias noches con sus perros en los cerros para recoger el ganado; una vez reunido, se apartan los animales que pertenecen a extraños y se marca todo el ganado de la hacienda. Un rodeo es una escena de regocijo: uno ve ahí al chileno en sus glorias; corriendo el caballo, tirando el lazo, domando animales chúcaros, sean caballos o mulas, y a veces, por chancearse, montándosele en los lomos al mismo grave buey»⁸ — «Эти люди иногда проводят несколько ночей в горах со своими собаками, сгоняя скот. Когда стадо собрано, отделяют животных, принадлежащих другим владельцам, и клеймят весь скот поместья. Родео — это настоящий праздник, где чилиец проявляет себя во всей красе: он лихо скачет на лошади, метко бросает лассо, укрощает диких лошадей и мулов, а иногда ради забавы может оседлать даже могучего быка»⁹.

Тяжелый труд уасо вознаграждался народным признанием и завершался шумными народными гуляньями — с танцами, песнями, сытной едой. Скотоводческая практика превращалась в массовый народный праздник, так что к тому времени, когда не осталось неогороженных пастбищ, а жители деревень стали перебираться в города, праздники вокруг родео с участием бравых уасо уже прочно вошли в историю и народную культуру Чили.

Несколько слов об этнической истории Чили

Определение «чилийское» для той разновидности родео, о котором идёт речь в данной статье, прочно закрепилось в литературе, однако оно нуждается в уточнении. Дело в том, что родео возникает не вообще в чилийской сельской культуре, а именно в сельской культуре Центрального Чили. Причина тому — уникальное географическое расположение страны. Протянувшись узкой полосой земли между Тихим океаном и хребтами Анд, Чили состоит из нескольких областей, резко отличающихся между собой природными условиями, что во многом определяет этнические и культурные особенности этих областей.

⁷ Перевод автора.

⁸ Graham M. Diario de su residencia en Chile (1822) y de su viaje al Brasil (1823). Madrid. Editorial América. 1956. P. 239. (In Spanish)

⁹ Перевод автора.

Неаграрный засушливый север представляет собой череду бесплодных земель, солончаков и узких террас на скалистых обрывах. Здесь же расположена бескрайняя, суровая земля, напоминающая инопланетный пейзаж, — пустыня Атакама. Территории на крайнем севере Чили вошли в состав страны лишь в XIX в. Испанских поселенцев здесь совсем или почти не было.

Центральное Чили, от снежной вершины Аконкагуа до реки Био-Био, — регион с мягким субтропическим климатом, напоминающий Андалусию и Каталонию. Плодородные почвы региона благоприятны для жизни человека и идеальны для земледелия и скотоводства. Территории вокруг современного Сантьяго расположены относительно близко к побережью, что во все времена обеспечивало удобные пути сообщения, снабжения и торговли через Тихий океан. Все это сделало центральный регион Чили привлекательным для испанских поселенцев.

Климат Южного Чили значительно более дождливый и холодный, чем в центральных районах страны. К югу от острова Чилоэ расположены земли со сложным ландшафтом: густые вечнозеленые леса, заросли кустарников, болота, фьорды. Ведение сельского хозяйства по европейскому образцу на этих территориях невозможно. Хотя здесь тоже были природные ресурсы, такие как древесина и рыба, их освоение требовало от колонизаторов значительных усилий и не представляло такой экономической выгоды, как в других частях Нового Света. Некоторые внутренние районы Южного Чили остаются незаселенными до сих пор, а прибрежные заселены крайне мало.

Конкиста Чили началась в 1536 г. и растянулась на несколько десятилетий. В 1536 г. испанский конкистадор Диего де Альмагро (Diego de Almagro, 1475–1538) возглавил завоевательную экспедицию на юг в поисках новых земель и богатств. Однако этот поход оказался неудачным: Альмагро столкнулся с суровым климатом Северного Чили, труднопроходимыми Андами и ожесточенным сопротивлением местных индейских племен. Поход завершился без значительных успехов.

В 1540 г. Педро де Вальдивия (Pedro de Valdivia, 1497–1553) предпринял новую попытку завоевания Чили. Он основал несколько поселений, включая Сантьяго в 1541 г., что стало отправной точкой для дальнейшей колонизации региона. К 1553 г. испанцам удалось установить контроль над центральными районами Чили, к северу от реки Био-Био. Однако завоевание южных территорий, Араукании, оказалось куда сложнее: раз за разом конкистадоров постигали неудачи, почти беспрецедентные в истории покорения Нового Света. В 1598–1599 гг., после того как индейцы снова восстали и уничтожили множество испанских укреплений и поселений южнее реки Био-Био (этот эпизод в истории Чили известен как *Desastre de Curalaba*), испанская корона была вынуждена примириться с невозможностью покорить эти земли. Река Био-Био превратилась в рубеж, дальше которого испанцы почти не проникали на протяжении всего колониального периода. Территория Араукании была окончательно присоединена к Чили только в 80-е гг. XIX в.

Опираясь на работу «Этническая история Чили» выдающегося отечественного этнографа Ю.Е. Березкина [Березкин, 1981], кратко рассмотрим этническую историю интересующего нас края. Среди первых поселенцев центральных районов Чили почти не было женщин, и в жены брали индианок из племен чилийских диагитов и арауканов-пикунче, что привело к скорой метисации населения страны: новый этнос — чилийцев — складывается именно на территории Центрального Чили с начала XVII в. «в результате смешения испанских колонистов и индейцев с преобладанием первого компонента в культурном отношении и второго — в антропологическом» [Березкин, 1981: 240].

На далекой окраине Испанской Америки, каким было губернаторство, а затем генерал-капитанство Чили, не было найдено значительных месторождений драгоценных металлов, поэтому главным источником доходов для привилегированных групп стало сельское хозяйство — земледелие и скотоводство. Зависимое крестьянство и крупные землевладельцы — вот основные социальные группы чилийского общества в XVI – начале XIX в.

Реальная граница испанских владений на протяжении всего колониального периода проходила по реке Мауле, а территория между Мауле и Био-Био оставалась зоной постоянных конфликтов между поселенцами и арауканами, которые регулярно совершали набеги.

Европейские поселенцы, обосновавшиеся между этими реками, сыграли особую роль в формировании чилийского этноса. Здесь, на границе свободной Араукании, помещикам неоткуда было взять зависимое индейское население, так что со временем в этом районе возникло нечто вроде казачества: малочисленное, но активное и предприимчивое свободное крестьянское население, которое занималось сельским хозяйством и защищало земли от набегов индейцев. Эти энергичные, инициативные, привыкшие к опасностям и лишениям люди сыграли большую роль в чилийской истории XIX в.: сначала в Войне за независимость, а позже — в освоении новых земель на юге и севере страны.

Индейская граница (*La Frontera*) — в некотором смысле аналог североамериканского фронта — стала тем фактором, который во многом определил национальную специфику чилийцев. В течение столетий испаноязычные поселенцы районов между Мауле и Био-био жили в условиях постоянной угрозы со стороны индейских племен. И землевладельцы, и простые крестьяне были вынуждены постоянно держать оружие наготове для защиты своей жизни и имущества. Жители этих районов осознавали, что могут полагаться только на себя и друг на друга. Именно в таких суровых условиях, перед лицом общей опасности, зарождалось чувство этнического единства, сплачивающее людей.

Начиная с 1830-х гг., сразу после окончания Войны за независимость и отмены монополии испанской короны на внешнюю торговлю, в полной мере проявились выгоды географического положения, о котором мы уже

упоминали. Чили, некогда бывшее глухим углом испанской колониальной империи, оказалось на некоторое время едва ли не единственной страной в Тихоокеанском бассейне, способной производить товарное зерно, а также единственной угольной базой на пути судов из Атлантики [Березкин, 1981: 241].

Последовавший за этим экономический рост в конце XIX в. сопровождался в стране общим культурным подъемом, а две выигранные войны (Тихоокеанская на севере и с арауканами на юге) вызвали прилив патриотических настроений. Неудивительно, что на этом фоне в стране с преобладанием этнически однородного метисного населения быстро росло национальное самосознание и сформировался запрос на национальное самоопределение.

Образ чилийского наездника уасо в литературе креолизма

На рубеже XIX–XX вв. поиск национальной сущности становится в Чили идеологической базой такого важного литературного течения, как креолизм. Выдающийся отечественный исследователь-латиноамериканист А.Ф. Кофман обращает внимание на важную отличительную черту этого литературного течения: «Чилийская проза начиналась с городской тематики, поэтому художественное освоение сельской действительности представляло собой как бы открытие нового мира (в других странах континента писатель, наоборот, открывал для себя городской мир)» [Кофман, 2017: 84].

Ставя перед собой задачу запечатлеть подлинный образ Чили, креолисты обращаются к сельской жизни и выбирают своим героем уасо. Именно в образе пастуха-наездника уасо, протагониста родео, объединившего в себе угнетенного батрака центральных районов страны и отважного жителя пограничных районов, между реками Мауле и Био-Био, креолисты увидели олицетворение чилийского этнотипического¹⁰ начала.

Крупнейший представитель и теоретик чилийского креолизма — Мариано Латорре (Mariano Latorre, 1886–1955). В его рассказах, романах, эссе в полной мере получили отражение установки чилийского креолизма, которые мы находим в произведениях и других ярких представителей этого литературного течения в Чили, таких как Альберто Блест Гана (Alberto Blest Gana, 1830–1920), Гильермо Лабарка (Guillermo Labarca, 1879–1954), Федерико Гана (Federico Gana, 1867–1926), Луис Дюранд (Luis Durand, 1895–1954), Хоакин Эдвардс Бельо (Joaquín Edwards Bello, 1887–1968).

Герой произведений чилийских креолистов — сельский житель, укорененный в «своей» среде: «La raza campesina representábase allí en aquel momento: era la gracia del campo chileno, con sus bosquecillos en las quebradas, sus valles verdeantes, sus torrenteras sonoras y desatadas; la gracia variada de los

¹⁰ Используя термин «этнотип», мы опираемся на его трактовку в работах А.Ф. Кофмана: «Этим словом можно обозначить идеальный собирательный сверхобраз представителя нации во всем ее своеобразии» [Кофман, 2017: 78].

paisajes, ya estériles y abundosos, ya elevados o perdidos en las rinconadas, ya enormes como las montañas o pequeños como miniaturas. Eran el cóndor y la diuca, el roble y el espino, el puma y el zorro, el copihue y la siempreviva: era la fuerza y la agilidad, la inquietud nerviosa de la pupila acostumbrada a todos los paisajes y el empuje del brazo habituado a todas las inseguridades» — «В такие моменты сама душа чилийского крестьянства являла себя. Она была всюду: в изысканности чилийских просторов с их рощами и ущельями, зелеными долинами, бурными и неукротимыми потоками; в разнообразии пейзажей, то скудных и обильных, то вздымающихся ввысь, то скрывающихся в укромных уголках, то величественных, как горы, то миниатюрных, как крохотные холмы. Это были кондор и диука, дуб и боярышник, пума и лисица, копикуэ и бессмертник: сила и ловкость, зоркость взгляда, привыкшего к этим видам, и мощь руки, готовой преодолеть любые трудности»¹¹.

Герой-уасо неразрывно связан с землей [Кофман, 1997: 134–141], поэтому описания пейзажа, чилийской природы приобретают особое значение в произведениях креолистов и выделяются мощным эстетическим воздействием на читателя:

«En la cumbre, en medio de los verdes cajones donde pastan los rebaños, en el agua que entreteje blancos cordones en cada arruga de las peñas, la soledad reconforta como un sueño profundo» — «На вершине, среди зелёных долин, где пасутся стада, в воде, что вплетает белые струи в каждую складку скал, одиночество приносит утешение, будто глубокий сон»¹².

Отворачиваясь от космополитичного города и обращаясь к сценам из сельской жизни, креолисты стремились отыскать в селе «корни нации». Герой-уасо, воплощающий чилийское этнотипическое начало, очарован превосходством природы и глубоко презирает городской образ жизни, его суету, алчность и фальшь: «Odia a esa vida y a esos hombres que, sin pensar en nada, discurren indiferentes y alegres por las calles de las ciudades, cuando la fatalidad se cierne sobre sus cabezas. Vive en él un odio mortal contra el hombre blanco, descendiente de conquistadores y dueño de la tierra que aun su propia incapacidad la disimula bajo maneras agradables» — «Он ненавидит эту жизнь

Одежда чилийского уасо. 1843

¹¹ Latorre M. Cuna de cóndores. Santiago. Imprenta Universitaria. 1918. P. 103. Здесь и далее — перевод автора.

¹² Ibid. P. 125.

и этих людей, которые, не давая себе труда задуматься, равнодушно и весело разгуливают по городским улицам и не видят, как над их головами сгущается тень беды. В нём пылает смертельная ненависть к белому человеку, потомку завоевателей и хозяину земли, который скрывает свою беспомощность за приятными манерами»¹³.

Отчужденность — одна из основных категорий мироощущения скитальца-уасо: «Aparece su padre, con sus grandes zuecos de madera, su manta de vicuña clara y su habla de huaso, ceceante y pueril y la ternura humedece sus ojos fríos. A su madre no la conoció. Su único recuerdo es un retrato desteñido, con marco de celuloide, en el rincón de una pieza; una cara rugosa y triste semejante a un trozo de tierra mojada. Aislado en el campo pasó su infancia...» — «Он вспоминает отца: большие деревянные башмаки, светлая накидка из викуньи и простая, чуть детская речь уасо. Его холодный взгляд смягчается от нежности. Матери он никогда не знал. Его единственное воспоминание о ней — выцветший портрет в целлулоидной рамке, стоящий в углу комнаты; лицо морщинистое и грустное, словно комок мокрой земли. Всё его детство прошло в одиночестве на ферме...»¹⁴.

Примечательно, что М. Латорре редко использует диалог в своих рассказах, создавая образ сельской жизни, в которой отсутствуют разногласия, обсуждения, споры — ненужное занятие суетной городской жизни. Сельская жизнь в произведениях чилийских креолистов — оплот социального покоя, она стабильна и неизменна, потому что ее основа — покорность судьбе и бескрайней природе, ей присуще спокойное смирение, характерное для лошадей и волов, — тех животных, в окружении которых герой-уасо и проводит всю свою жизнь: «La bestia paciente que ha dado a sus piernas la conformación de sus lomos huesudos y fuertes, y que ya galope por la pampa inmensa o caracolee por las accidentadas veredas de las montañas, es siempre la misma, sufrida, sobria, como el huaso o como el gaucho a cuyo lado ha vivido desde los lejanos tiempos en que vino a América con el soldado aventurero; como ellos tomó ese aspecto cansado y doloroso, del que tiene que cumplir una misión superior a sus fuerzas, en una tierra demasiado grande para sus vidas sin aspiraciones» — «Терпеливое животное с крепкими ногами, костлявой и сильной спиной, то несется во весь опор по бескрайним просторам пампы, то осторожно пробирается по извилистым горным тропам, но всегда остаётся прежним — выносливым и стойким, подобно уасо или гаучо, с которыми живёт бок о бок с тех самых времён, когда некий солдат в поисках лучшей доли привез его в Америку. Как и люди, животное казалось уставшим и измученным, словно на него взвалили непосильную ношу, на земле, которая была слишком велика для этой пропащей жизни»¹⁵.

¹³ Latorre M. Cuna de cóndores. Santiago. Imprenta Universitaria. 1918. P. 125.

¹⁴ Ibid. P. 126.

¹⁵ Ibid. P. 94–95.

В основе чилийского креолизма лежит потребность обозначить аутентичное в противовес заимствованному, решить задачи национального отделения, самоопределения и самоутверждения, отсюда — любовь писателей этого литературного течения к сопоставлениям, стремление обрести свое через противопоставление другому: «Pero On Chipó no se enfadó por estas palabras hirientes, pareció más bien dejarlas pasar por alto, como si una ofensa a su persona lo tuviese sin cuidado; pero esa alusión al caballo de la tierra con el cual había vivido como un hermano, no pudo perdonarla; parecía un insulto sin nombre, sobre todo en esos gauchos fanfarrones que se creían mejores jinetes que los huasos, con sus caballos flacos, de enorme cabeza estúpida, de pescuezo alargado eternamente hacia adelante» — «Он Чипо не разозлили эти колкие слова, он предпочел пропустить мимо ушей оскорбление в свой адрес. А вот намёк на коня, с которым он жил бок о бок, как с братом, простить не мог; такое оскорбление, особенно из уст этих хвастливых гаучо, которые мнили себя лучшими наездниками, чем уасо, и кичились своими тощими лошадьми с большими глупыми головами и вытянутыми шеями, переходило всякие границы»¹⁶.

Так, на рубеже XIX–XX вв. создается образ героя-уасо, выразителя сущности метисной чилийской нации. Отлакированные литературные персонажи, за редким исключением, не выходили за рамки условностей и штампов [Кофман, 2016: 30]. Разумеется, существовала значительная разница между тем, что интеллектуальная элита хотела видеть в уасо, и тем, кем он на самом деле был, но именно этот романтизированный образ, позднее воспроизведенный в кинематографе (*El Leopardo*, 1926; *El hechizo del trigo*, 1939; *Tonto pillo*, 1948 и др.), нашел отклик у широких слоев населения. Пожалуй, главная причина такого успеха заключается в том, что фигура уасо, связанного с народными обычаями, традиционной одеждой, самобытным чилийским просторечием, оказалась обращенной к разным слоям общества: и к землевладельцам, и к простым крестьянам, и к тем, кто совсем недавно перебрался в город.

Группа наездников-уасо

Современное родео

Образ уасо неотделим от чилийского родео. В чем же состоит самобытность этого, без преувеличения, самого известного конноспортивного состязания в Чили? В целом, суть чилийского родео заключается в том,

¹⁶ Ibid. P. 93–94.

что два наездника должны остановить бегущего во весь опор быка. То, что выступление всегда проходит в паре, — важная отличительная черта родео в Чили и отсылка к тем временам, когда умение действовать сообща спасало жизнь чилийским пастухам-наездникам, гнавшим скот на крутых и пустынных склонах Кордильер.

Пара участников родео называется кольера (*collera*). У слова *collera* несколько значений в чилийском варианте испанского языка. В прямом значении это запонка¹⁷, но в сельской местности до сих пор бытует однокоренной глагол *acollarar* — связать за шею двух животных, чтобы научить их двигаться синхронно¹⁸, он-то и является ключом к пониманию значения жаргонизма *collera*: пара наездников, выходящих на родео и действующих в связке.

Выступление разворачивается в медиалуне¹⁹ — круглом загоне с радиусом 22,5 метра²⁰, в западной части которого находится небольшой овальный²¹ внутренний загон, называемый апиньядеро²², шириной тринадцать метров в самой широкой части, с двумя воротами по шесть метров и маленькой дверью-лазейкой в правом углу, называемой ториль²³, через которую бык из загона попадает в апиньядеро.

Выступление начинается с того, что ведущий (*locutor*) объявляет пару наездников, которые будут выступать. Например: «Corren: Suárez y Letelier». Далее он объявляет имена двух следующих друг за другом пар участников. Например: «Se preparan» или «A la puerta: Núñez y Correa» или «Al Aguaite: Gallardo y González». Одежда, порядок действий и реплики ведущего строго регламентированы и не допускают вольностей и отступлений.

Внутри апиньядеро появляется пара наездников верхом на чистокровных чилийских лошадях, которые, как считается, ведут свою родословную от тех лошадей, которых Педро де Вальдивия привез в Чили в свой первый завоевательный поход в 1540 г. Один наездник — аль арreo — (*al arreo*), как следует из названия²⁴, должен гнать быка, не давая ему снизить скорость или уйти назад. Второй — а ла mano (*a la mano*) — выполняет основное

¹⁷ collera: f. Ch, Ar:NO. Pasador que se usa para cerrar el puño de la camisa. Diccionario de americanismos. ASALE, 2010.

¹⁸ Acollarar(se): tr. Bo: E, S, Ch, Ar, Ur. Unir alguien dos animales por el cuello para acostumbrarlos a andar juntos. rur. Diccionario de americanismos. ASALE, 2010.

¹⁹ Medialuna: f. Ch. Terreno circular cercado y rodeado de gradas donde se practica el rodeo. Diccionario de americanismos. ASALE, 2010.

²⁰ В Чили более 500 медиалун. Одна из самых известных — Medialuna Monumental de Rancagua, открытая в марте 1997 г. Это одна из самых больших арен для конных мероприятий в мире, способная вместить до 12 тысяч зрителей. Каждый год в апреле здесь проходит Национальный чемпионат по родео (Campeonato Nacional de Rodeo).

²¹ Название «медиалуна» (исп. *medialuna* — лунный месяц) связано с геометрической формой той части арены, на которой проходят главные состязания.

²² Apinadero: m. Ch. En el rodeo, lugar en el que se concentra una muchedumbre de personas, animales o cosas. Diccionario de americanismos. ASALE, 2010. *Apinadero* от *apinar* 'собрать, сгрести в кучу' — название появилось в то время, когда в эту часть загона сгоняли по тридцать быков.

²³ Toril: Sitio donde se tienen encerrados los toros que han de lidiarse. Diccionario de la lengua española, RAE.

²⁴ Arreo значит «перегон скота» (Conducción del ganado de un lugar a otro. Diccionario de americanismos. ASALE, 2010).

действие — атахаду²⁵, т.е. остановку быка без помощи лассо в определенном участке барьера. Когда в апиньядеро запускают быка весом от 350 до 500 кг, наездники заставляют его пробежать несколько кругов галопом в этом небольшом пространстве, чтобы расположить его в определенной правилами позиции перед началом забега (*carrera*). Эта позиция не должна меняться в течение всего выступления: один наездник позади животного, другой — сбоку. Если задача выполнена, начисляется один балл.

Далее пара наездников выводит быка на арену (медиа-луну). Наездник «аль аррео» гонит быка вдоль барьера так, чтобы наездник «а ла mano» смог направить свою лошадь перпендикулярно быку, причем сделать это нужно до линии старта, отмеченной на барьерах медиалуны за десять метров до места атахады. Всадники не выпускают быка до момента атахады, и «а ла mano» направляет свою лошадь так,

Медиалуна — арена родео

что та грудью заваливает быка на специально предназначенный для этого участок барьера мягкий выступ — «кинча» (*quincha*), сделанный из соломы и обтянутый мешковиной, из-за чего он напоминает подушку, смягчающую удар, который может получить бык во время остановки. Таких участков два — на северном и южном концах медиалуны.

Мастерство наездников во время атахады оценивает судья, наблюдающий выступление из специальной кабинки. Судья присуждает два очка, если бык прижат в области лопатки; три очка — в середине тела, т.е. когда шея и лопатка свободны, и четыре очка, если бык остановлен и прижат к барьеру в области бедра, — это максимальное количество баллов, которое можно заработать за остановку. Такая остановка называется *atajada grande* и получает самую высокую оценку потому, что в таком положении у животного больше шансов вырваться вперед и ускользнуть.

Далее галопом, без остановки, кольера разворачивает быка на 180 градусов, и все повторяется в другую сторону. И еще раз обратно. После этого всадники направляют быка к выходу. Ведущий произносит: «*Carrera corrida*», а судья объявляет общий счет, причем итоговые баллы подсчитываются

²⁵ Atajada: Ch. En un rodeo, acción de detener la carrera de la vaquilla, apretándola con el caballo contra la valla. Diccionario de americanismos. ASALE, 2010.

с учетом штрафов за ошибки, совершенные во время выступления, которое проходит на полной скорости, ведь все действие не должно занимать более двух с половиной минут в среднем с момента, когда кольера получает быка в апиньядеро. В оценивании чилийского родео важен не только результат — остановка быка, но также детали исполнения: не выпуская быка из «тисков» кольеры, наездники должны продемонстрировать свое мастерство, ловкость, уровень подготовки своих лошадей — задача не из простых. Она требует от наездников не только личной удали и отваги, как в ковбойском родео, но также до миллиметра выверенной точности движений, виртуозного владения лошадью и высочайшего мастерства в умении работать в связке с напарником²⁶.

Атахада — остановка быка

Если во время выступления кольера не допустит ни одной ошибки, а каждая остановка будет выполнена на 4 балла, то наездникам присудят 13 баллов. В одном родео кольера проводит четыре выступления с разными быками, так что максимальный возможный балл за одно родео — 52. На сегодняшний день рекордное количество баллов — 48 — за одно родео набрали легендарные чилийские наездники братья Клаудио и Руфино Эрнандесы в 2006 г. Братья дважды становились победителями самого важного родео — финала Национального чемпионата Чили. Официальное название этого соревнования — *Serie de Campeones*, но в народе его именуют не иначе как *el Champion*, с характерным для чилийского просторечия фрикативным [sh] в начальной позиции, вместо африкаты [ch] [Vivanco, 1998].

Первый национальный чемпионат по родео прошел в 1911 г., а официальный свод правил этого соревнования появился позже, в 1927 г., так что баллы в родео начали подсчитывать не так давно — не ранее 1860 г., когда была построена первая медиалуна, установлены первые правила (*Primer Reglamento de Corridas de Vacas* [Montory Gajardo, 2015: 175]) и родео окончательно превратилось в зрелищное спортивное состязание.

²⁶ Папченко А. Ковбои южных широт: как родео стало национальным видом спорта в Чили, Вокруг Света. 2009. № 8. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6761/> (accessed: 07.09.2024)

* * *

Погружение в исследование чилийского родео как наследия Конкисты, обычаев и традиций, складывающихся на протяжении веков вокруг этого самобытного элемента сельской жизни Центрального Чили, выявило сложность и многоплановость данного феномена, а также продемонстрировало актуальность изучения латиноамериканской общности на материале отдельных национальных культур в исторической перспективе.

Исследование показало, что на протяжении веков смысловое наполнение термина «родео», а также отношение к нему в различных слоях общества и его символическое значение в чилийской культуре претерпели существенные изменения.

Возникнув как термин, обозначающий утилитарную практику, не имевшую ярко выраженного культурного или символического содержания, со временем, по мере формирования чилийского этноса, родео стало неотъемлемой частью сельской жизни Центрального Чили и начало превращаться в многоплановое явление национального наследия.

В XX в., на фоне модернизации и урбанизации, развернувшейся в стране, родео превратилось в символ национальной традиции, а в его главном герое, уасо, объединившем в себе ловкого наездника родео и покорного угнетенного батрака центральных районов страны, увидели выразителя этнотипического начала чилийской нации. В этот период родео становится выражением чилийской идентичности, воплощающей идеалы мужественности, связи с природой и исторической преемственности.

В нашем стремительно меняющемся мире чилийское родео сохраняет свою значимость как культурный феномен. Оно продолжает нести в себе отпечаток специфических исторических и социальных условий, формировавших чилийское общество на протяжении веков, и остаётся важным маркером чилийской национальной самобытности, которая начала складываться в эпоху Конкисты.

Список литературы / References

- Березкин Ю.Е. (1981) Этническая история Чили, *Этнические процессы в странах Южной Америки*, под ред. Хорошаевой И.Ф., Нитобурга Э.Л., Москва, Наука, с. 223–261.
- Berezkin Yu.E. (1981) Etnicheskaya istoria Chili [Ethnic History of Chile], in I.F. Khoroshaeva, E.L. Nitoburg (eds.) *Etnicheskie protsessy v stranah Yuzhnoy Ameriki* [Ethnic processes in South American countries], Moscow, Nauka, pp. 223–261. (In Russian)
- Доценко В.Р. (2010) *История музыки Латинской Америки XVI–XX веков*, Москва, Музыка, 368 с.

Dotzenko V.R. (2010) *Istoria muzyki Latinskoj Ameriki XVI–XX vekov* [History of Latin American music from 16th to 20th century], Moscow, Muzhyka, 368 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (1997) *Латиноамериканский художественный образ мира*, Наследие, Москва, 320 с.

Kofman A.F. (1997) *Latinoamerikanskii khudozhestvennyi obraz mira* [Latin American artistic world view], Nasledie, Moscow, 320 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2016) Тема варварства в испаноамериканской литературе, *Литература двух Америк*, № 1, с. 8–49.

Kofman A.F. (2016) Tema varvarstva v ispanoamerikanskoj literature [The theme of barbarism in Spanish American literature], *Literatura dvukh Amerik*, no. 1, pp. 8–49. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2017) Литература Испанской Америки на рубеже XIX–XX вв.: спектр течений, *Латинская Америка*, № 8, с. 76–88.

Kofman A.F. (2017) Literatura Ispanskoj Ameriki na rubezhe XIX–XX vekov: spektr techeniy [The literature of Spanish America at the turn of 19th and 20th centuries: the range of trends], *Latinskaya Amerika*, no. 8, pp. 76–88. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2024) Город в Новом Свете в эпоху Конкисты, *Ибероамериканские тетради*, т. 12, №1, с. 101–122.

Kofman A.F. (2024) Gorod v Novom Svete v epohu Konkisty [Town in the New World During the Spanish Colonization of the Americas], *Iberoamerican Papers*, vol. 12, no. 1, pp. 101–122. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2024-12-1-101-122> (In Russian)

Павловская А.В. (2020) Романтика Дикого Запада, царство мяса и формирование американской традиции, *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики*, № 3 (31), с. 58–68.

Pavlovskaya A.V. (2020) Romantika Dikogo Zapada, tsarstvo myasa i formirovanie amerikanskoy traditsii [Romanticism of Wild West, Meat Kingdom and The Formation of American Tradition], *Uchionie zapiski Natsionalnogo obshchestva prikladnoy linguistiki*, no. 3 (31), pp. 58–68. (In Russian)

Романова Г.С. (2018) Gaucho и huaso как ключевые концепты аргентинского и чилийского мировидения, *Ибероамериканские тетради*, № 4, с. 38–43. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2018-4-38-43v>

Romanova G.S (2018) Gaucho i huaso kak kluchevye kontsepty argentinskogo i chilyskogo mirovidenia [Gaucho and huaso as key concepts in the Argentine and Chilean world view], *Iberoamerican Papers*, no. (4), pp. 38–43. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2018-4-38-43> (In Spanish)

Сьеса де Леон П. де (2014) *Хроника Перу: Часть первая*, Киев, Видавель Куприенко С.А., 353 с.

Cieza de León P. de (2014) *Khronika Peru: Chast pervaya* [Chronicle of Peru: First Part], Kiev, Vidavets Kuprienko S.A., 353 p. (In Russian)

Cardemil Herrera A. (1999) *El huaso chileno* [The Chilean huaso], Santiago, Editorial Andrés Bello, 231 p. (In Spanish)

Cieza de León P. (1553) *Crónica del Perú* [Chronicle of Peru], Sevilla, 296 p. (In Spanish) URL: http://www.jesufelipe.es/pedro_cieza_de_leon.htm (accessed: 10.08.2024).

Gutiérrez H. (2010) Exaltación del mestizo: La invención del roto chileno [Exaltation of the mestizo: The invention of the Chilean roto], *Revista Universum*, no. 25, vol. 1, pp. 122–139. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-23762010000100009> (In Spanish)

Lenz R., Bello A., Oroz R. (1940) El español en Chile [Spanish in Chile], *Biblioteca de Dialectología Hispanoamericana*, IV, Buenos Aires, Universidad de Buenos Aires, pp. 87–210. (In Spanish)

Montory Gajardo A. (2015) *Historia del Rodeo chileno* [History of Chilean Rodeo], Tomo I–II. Santiago, Federación Deportiva Nacional del Rodeo Chileno, 543 p. (In Spanish)

Vivanco H. (1998) Análisis fonético acústico de una pronunciación de 'ch' en jóvenes del estrato social medio-alto y alto de Santiago de Chile [Acoustic phonetic analysis of a pronunciation of 'ch' by young people of the upper-middle and high social stratum of Santiago de Chile], *Boletín De Filología*, vol. 37, no. 2, pp. 1257–1269. (In Spanish)

Zea L. (1953) *América como conciencia* [American as a Consciousness], México, Editora Cuadernos Americanos, 184 p. (In Spanish)